

Memoria

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА ОГУРЦОВА **14 сентября 1936 — 8 мая 2014**

**Александр Павлович Огурцов, доктор философских наук,
Лауреат государственной премии.**

**С 1964 по 1967 гг. работал научным консультантом в редакции журнала
«Вопросы философии», затем в Институте международного рабочего
движения (ИМРД) АН СССР. В Институте философии с 1 апреля
1988 г., был заведующим Отделом науки и техники, заведующим
Центром методологии и этики науки. Последний год руководил группой
«Дискурсивные практики».**

В 1968 г. нас познакомил М.Я. Gefтер. Я впервые увидела одного из тех, кого стали называть диссидентами. Они тогда писали записки для акад. Румянцева в надежде как-то сохранить сектор методологии истории в Институте всеобщей истории АН СССР, а я носила эти записки Румянцеву и Рабботу...

Саши, Сани, Александра Павловича Огурцова больше нет. Он умер в больнице от трех недостаточностей: сердечной, легочной и почечной, скрепленных воедино инсультом. Он сказал мне всё, что он сказал, и я еще буду вычитывать несказанное из его текстов. Я сказала ему все, что я сказала, но постоянно буду повторять и дополнять сказанное уже вовне и все-таки ему.

Когда случилась смерть и я получала соболезнования от многих людей — родных и коллег, от некоторых просто выражения ужаса, меня не оставляло состояние, которое можно сравнить с состоянием барона Мюнхгаузена из фильма «Тот самый Мюнхгаузен». Тот перед последним полетом хотел услышать от своей жены что-то очень важное. Она говорила: «Я тебя люблю». Он отвечал: «Не то!» Она еще что-то похожее, а он: «Не то! Не то!» Наконец, она: «Карл, они положили тебе сырой порох!» «Вот, — сказал он, — то, что нужно». Так и я: ждала, пока кто-то или что-то скажет, что нужно. Увидела: Рубен Грантович Апресян сослался на последнюю статью Саши «Поражение философии», опубликованную в созданном нами он-лайнном издании «Vox. Философский журнал» (2013. № 15). Там выражено то, что мучило его последнее время. Не философия и теория науки, не методология, не философия культуры или языка — в этих регионах философии он был своим, он знал это не понаслышке, а словно видел проблемы и темы, их завязи и трудности зрячим умом. Он не был энциклопедистом, как его часто называли. Он с этим был не согласен, хотя никогда не возражал, потому что долго объяснять свое стороннее

видение не хотел, предпочитая практически, «на пальцах» выражать некие данности, всегда строго выверенные и продуманные, в статьях или монографиях. При жизни у него вышло 11 книг, в четырех из них мы были соавторами. Но его трехтомник стал не итогом, а несомненно взятой высотой. Я была редактором этой книги, и я, зная его за 20 лет до того, как стала его женой, чувствовала, как нарастает мое удивление и почтение при движении глаз к параграфам о Венском кружке. Он сумел обозначить не только философские позиции каждого его участника — понять то напряжение, которое возникало между ними при обсуждении проблем и которое в результате вышло далеко за пределы школы — к проблемам социальной релятивности и историческому разнообразию в выражении семантических ценностей, ставших центральными проблемами в «самокритической мысли Витгенштейна» и *locus classicus*, начиная с Куайна до Фейерабенда и Куна, в английском и американском бунте против позитивизма в 60-е годы XX в.» К счастью, я успела выразить ему и это удивление, и почтение. Он обдумывал проблемы философии спокойно, не считаясь с приоритетами, не ограничивая себя ссылками на источники, считая, что в этом деле — простор для всех. Я к тому же испытываю к нему личную благодарность — не только за трудную, напряженную, но фантастически интересную совместную жизнь: когда-то он понял идею концепта как завязи мысли и начал это не только пропагандировать, но и развивать энергичнее и глубже, чем я.

Философия стоит того, чтобы беспокоиться о ее просторе. В начале перестройки, в 1989 г., он написал статью «Подавление философии», где рассказывал о ленинском-сталинском терроре, в результате которого она едва не погибла. Статья была опубликована в сборнике «Наука и тоталитарная власть». Затем, когда мы открыли свое издательство «Голос» и выпустили в свет книгу «Подвластная наука? Наука и советская власть», он наметил возможности философского дыхания, связанные с поворотом к культурно-историческому образу мысли, не позволявшему замыкаться в какой-либо одной форме деятельности, ориентировавшему на осмысление сопряженности форм культуры, освобождающему культуру от иррациональных предрассудков, подчеркивая, что в научном дискурсе ученые конструировали образ знания, которое уже существовало в латентном виде и было предвосхищено в их жизнедеятельности.

Но «поражение философии» — о другом. Речь идет о ее положении в «другой России», покончившей с коммунистическим режимом и семимильными шагами движущейся к режиму авторитарному. Статья жесткая. «Когда в 60-е годы я входил в философию, я отдавал себе отчет о крайне неудовлетворительном состоянии философских исследований, и как-то, собравшись в редакции “Философской энциклопедии”, мы (я и Эрик Григорьевич Юдин) сформулировали

перед собой задачу... не опустить планку философских разработок и по мере сил способствовать подъему этой планки... Случилось же то, что я называю поражением философии, утратой ею судьбоносных целей и ценностей, сменой приоритетов в нынешней «массовой культуре» — религия и богословие стали притязать на центральное место». Четыре тезиса — свидетельства поражения: 1) инфицирование философии как рефлексивной и рациональной мысли богословием, движение к теократии; 2) стремление философии и научной мысли к религиозному истолкованию своих достижений; 3) исчезновение ряда философских категорий и универсалий («внутренний мир», «идеальное»); 4) банализация ее категориальных и методологических ресурсов. Надежду он возлагает на приготовление позиций, на которых можно выстоять.

Его переживание так обстоящих дел в философии совпало с антинаучным и антикультурным курсом государства, откровенно и цинично расправляющегося со всем интеллектуальным ресурсом России, не стесняющегося устанавливать даже возрастные цензы для участия в профессиональной деятельности. Одни из последних слов Саши: «Я всю жизнь сам решал, как мне жить и думать. А теперь, оказывается, кто-то может распорядиться, до каких лет мне можно думать!» Отстранение от руководящих должностей сотрудников Института философии старше 70 лет на него страшно подействовало. «Слава Богу, я ушел сам и раньше». Он словно гнал себя в смерть, отчаянно не лечась. Последние слова в записной книжке: «Потому что дряхлое время вечности остановилось, наконец. Маркес Габриэль Гарсия».

Светлана НЕРЕТИНА